

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Михаил Петрович
Арцыбашев

Санин

У последней черты

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-4
А 88

Текст печатается по изданиям:
Арцыбашев М. Санин. СПб., 1908;
Арцыбашев М. У последней черты. Т. I—II. М., 1913

Разработка серийного оформления А. Бондаренко

Арцыбашев М. П.

А 88 Санин ; У последней черты : романы / Михаил Арцыбашев ; [предисл. А. Николюкина]. — 800 с. — (Библиотека Всемирной Литературы).

ISBN 978-5-699-33912-9

Михаил Арцыбашев (1878—1927) — популярный и самый скандальный писатель начала XX века. Его роман «Санин» даже для эпохи Серебряного века был слишком смелым и откровенным, сфера интимных чувств нашла в Арцыбашеве своего сильного, талантливого художника.

Помимо «Санина», в книгу вошел также роман «У последней черты».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-4

ISBN 978-5-699-33912-9

© Предисловие. А. Николюкин, 2009

Содержание

АРЦЫБАШЕВ СЕГОДНЯ.

А. Николокин

5

САНИН. *Роман*

19

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ. *Роман*

333

АРЦЫБАШЕВ СЕГОДНЯ

Однажды, это было в 1908 году, Василий Розанов зашел в книжный магазин на Невском.

« — Дайте мне «Санина» Арцыбашева.

— Запрещен.

— Запрещен?

— Запрещен и весь продан.

Я так удивился, что вмешался в диалог приказчика и покупателя.

— В самом деле такое совпадение?

— Да. Весь распродали. И когда распродали, то пришло запрещение: не продавать более.

Ну, чисто по-русски! Мы — не Германия. Печаталось, что «Санин» разошелся за эту зиму в сотнях тысяч экземпляров, о нем долго и много говорила вся печать, начав целый поход против него; им обзавелись все библиотеки, все книжные шкафы и студенческие полочки для книг, и в то же время печаталось, что «не разрешены и не представлены на сцене» семь — целых семь! — театральных переделок романа. И когда все это произошло и шумело целую зиму, приходит в литературу генерал-исправник, важно садится в кресло и произносит:

«Я запрещаю «Санина».

С тех пор имя Арцыбашева стало обозначать что-то непристойное, порнографическое. Долгие годы не унималась социал-демократическая критика. Чтобы понять причины этой злобы против одного из крупнейших и талантливейших писателей начала XX столетия, застрельщиком которой был М. Горький, обратимся к его публичному отзыву о рассказе А.И. Куприна «Морская болезнь», напечатанном в том же 1908 году в альманахе «Жизнь».

В рассказе Куприна повествуется о том, как «товарищ Елена», жена социал-демократа Травина, во время морского путешествия из Одессы в Ялту была изнасилована помощником капитана и молодым юнгой. Горького возмутил не столько натуралистически описанный факт двойного изнасилования, сколько принадлежность женщины к миру социал-демократии. В статье «Разрушение эстетики» (1908) Горький укорял Куприна, который «предал социал-демократку на изнасилование паровой прислуге. А мужа ее, эсдека, избразил пошляком».

Социал-демократку насиловать, конечно, нельзя, тем более описывать ее переживания в этот момент. И под влиянием этой критики Куприн в своем собрании сочинений исключил из рассказа участие в изнасиловании мальчика-юнга (чтобы не унижать вдвойне социал-демократку) и строки о том, как наутро Елена вновь переживает ужас и позор прошедшей ночи: «Она вспомнила помощника капитана, потом юнгу, потом опять помощника капитана... Но одно воспоминание было тяжелей всего. Хотя она не была виновата, оно казалось ей каким-то гнусным противозаконным грехом с ее стороны. Оттого ли, что у юнги еще сохранились остатки стыдливости, или оттого, что он был очень молод, но он оставался с нею чрезвычайно долго. И вот, несмотря на то что у Елены быстро охладело сердце, несмотря на позывы тошноты и ощущение обморока, она вдруг на несколько моментов испытала нечто ни на что не похожее, какое-то мучительное страдание, которое было раздражающе сладостно. И хотя она всегда была совершенно, даже ненормально чужда половому любопытству, она понимала теперь, что это ощущение было именно то самое, о котором ей много раз говорил муж, ощущение, которого она не могла понять с его слов и вызвать в себе и отсутствие которого причиняло мужу печаль и ревнивое беспокойство к будущему». Да, такого признания верной социал-демократки, испытавшей первое в своей жизни наслаждение, да еще при изнасиловании, не мог выдержать не только честный Горький.

Подходя с таких позиций к Арцыбашеву и его романам «Санин», «У последней черты» (1910–1911), «Женщина, стоящая посреди» (1915), Горький в речи 17 августа 1934 г. на открытии Первого Всесоюзного съезда советских писате-

лей обозвал героя арцыбашевского романа, то есть Санина, «сластолюбивым и вертикальным козлом в брюках». Именно это определение долгие годы господствовало в советском литературоведении. Даже в академической «Истории русской литературы», выпущенной Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) в 1983 г. в четырех томах, смело утверждается, что описания удовлетворенных и неудовлетворенных эротических «желаний» в романе «Санин» даны в натуралистической манере, со множеством рискованных подробностей, которые вызывали повышенный интерес или острое негодование у читателей, воспитанных на целомудренных описаниях любовных сцен, утвержденных традициями классического реализма».

Чтоб разобраться в таком нагромождении обвинений, надо обратиться к истории. И прежде всего к расцвету русской литературы в эпоху Серебряного века. Тот же Горький в своей беспримерной речи на съезде сказал, что «десятилетие 1907 — 1917 гг. вполне заслуживает имени самого позорного и бесстыдного десятилетия в истории русской интеллигенции». И это сказано о времени, когда появились великие произведения В. Розанова, А. Блока, И. Бунина и других писателей, — одном из самых плодотворных периодов русской словесности перед катастрофой 1917 года. Обратимся и к так называемому целомудренному описанию любовных сцен в русской классической литературе. Основоположником русской эротической литературы был, конечно, не Иван Барков, создавший «Барковиану», а Александр Пушкин. Речь идет не только о «Гаврилиаде», ранних любовных стихах, которые до последнего времени печатались с отточиями, и не о приписываемой ему поэме «Тень Баркова». Еще в школе все читали поэму «Руслан и Людмила», не осознавая до конца ее эротизма.

Между тем, Пушкин создал в поэме небывалую в русской литературе эротическую ситуацию. Благонравный советский читатель, воспитанный, как уверяли нас, на «целомудренных традициях классического реализма», конечно, считал, что Руслан стал обладателем души и тела Людмилы, а после пребывания у похитившего ее Черномора она вернулась к Руслану столь же верной и непорочной, как и прежде. Напомним эту сцену:

И вот невесту молодую
Ведут на брачную постель...
Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры...
Вы слышите ль влюбленный шепот
И поцелуев сладкий звук
И прерывающийся ропот
Последней робости?.. Супруг
Восторги чувствует заране;
И вот они настали... Вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане...

Что же произошло перед глазами Черномора, который все видел и все слышал? Успел ли Руслан лишиться невинности Людмилу перед тем, как Черномор уносит ее?

И для чего Черномор лишает Руслана радости обладания Людмилой? Чтобы огорчить его?! Но искушенным в искусстве соблазнения и сладострастия Черноморам (или демонам) нужна нетронутая девственность.

На самом деле эротическое чувство юного Пушкина предлагает нам представить иную ситуацию. Всесильный Черномор мог похитить Людмилу для своих забав еще до брачной постели. Но он был «мудрый» сладострастник, понимающий, что особое удовольствие доставляет то, что Людмила уже была готова отдаться любимому. Черномор выбрал именно этот последний момент: выхватить девицу у Руслана и наслаждаться тем, что было предназначено супругу. Под действием чар Черномора Людмила, конечно, не могла понять, что с ней уже не Руслан, а волшебник.

Вот что предлагал гений юного Пушкина для размышления своим друзьям по лицу, изнывавшего по своей Людмиле или Наталье, именем которой открывается лицейский донжуанский список Пушкина.

В мировой литературе неким подобием Черномора может служить блудный бес, демон Асмодей, нарушающий чистоту брачных отношений. Он преследует ревностью девицу Сарру, не давая совершиться ее браку и последовательно умерщвляя в брачную ночь семерых ее мужей прежде, чем каждый овладевает ею. И только благочестивому Товиту с помо-